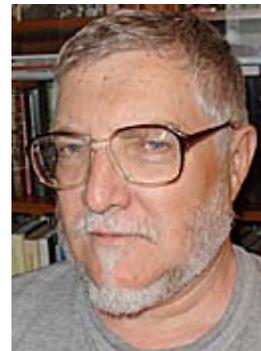

ОРОПАЙ Аркадий Фёдорович / Arkadiy OROPAY

| Пушкин и Лимонов: «странные сближения» в профетизме |

ОРОПАЙ Аркадий Фёдорович / Arkadiy OROPAY

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.
Кандидат философских наук, доцент.Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State Agrarian University. PhD, Associate Professor.avolerez@mail

ПУШКИН И ЛИМОНОВ: «СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ» В ПРОФЕТИЗМЕ

Эта статья посвящена рассмотрению литературного профетизма. По мнению автора, имеет место некоторая связь между литературными пророчествами и пространственными особенностями культуры. Автор приходит к выводу, что даже столь далёкие идейно и хронологически авторы, как А. Пушкин и Э. Лимонов в их пророческой деятельности демонстрируют интерес к периферийным зонам социального и культурного пространства.

Ключевые слова: профетизм, литературное пророчество, пространство российской культуры, центр, периферия, граница, Пушкин, Лимонов

Pushkin and Limonov: "Strange Convergences" in Prophetism

This article is devoted to literary prophetism. The author believes that there is some connection between literary prophecy and the spatial characteristics of culture. The author concludes that, even as regards such ideologically and chronologically far-removed prophetic activities like those of authors like A. Pushkin and E. Limonov, they show an interest in the peripheral areas of social and cultural space.

Key words: prophetism, literary prophecy, the space of Russian culture, center, periphery, border, Pushkin, Limonov

Бывают странные сближения.

А. С. Пушкин

Справедливо считается, что народы наделены свойством предощущать будущее, а великие писатели способны «озвучивать» эти смутные предчувствия в своих художественных произведениях. А. С. Пушкин в «Борисе Годунове» писал о «пророчествах пиитов». А. И. Герцен в «Былом и думах» отмечал, что «поэты в самом деле... — «пророки», только они высказывают не то, чего нет и что будет случайно, а то, что неизвестно, что есть в тусклом сознании масс, что еще дремлет в нем»¹. Такую пророческую способность принято называть литературно-художественным профетизмом (от позднелатинского *propheta*, от греческого *propheteia*).

Следует подчеркнуть, что о профетическом статусе того или иного литературного произведения не следует судить только по внешним признакам. Немецкий философ-просветитель Г. Э. Лессинг (1729–1781) остроумно заметил по поводу некоего французского археолога, который выдал «одну древнюю бородатую голову с открытым ртом за пророчествующего Юпитера»: «Неужели, предсказывая будущее, бог должен непременно

кричать? Разве его речь потеряла бы убедительность, если бы рот его имел приятное очертание?»². Случаи с Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым или с А. И. Солженицыным, скорее, убеждают в том, что, когда писатель осознанно обрягается в ризы пророка, это отрицательно сказывается на его художественных дарованиях. Внешняя атрибутика пророческой деятельности может отсутствовать в профетических произведениях, однако в них непременно наличествует соответствующее критическое отношение к реалиям настоящего и посыл к их изменению в будущем. При этом степень *выраженности* идей или *смутности* предчувствий, *инспирации* последующих действий или *конспирации* негативных настроений может быть самой различной.

Как отмечал в одном из своих интервью писатель Э. В. Лимонов, также претендующий нынче на «предводительство мыслью», «пророчествовать в форме романа малоудобно. Поэтом появились все эти «Выбранные места», «Как нам обустроить»³. По этому поводу можно сказать, что пророчества в открытой публицистической форме, возможно, более удобны и эффективны в практическом отношении, однако менее интересны

¹ Герцен А. И. Былое и думы. — Минск: Нар. асвета, 1971. — С. 383.

² Лессинг Г. Э. Избранное. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 389.

³ Лимонов Э. «Я — энергичный русский мужик с Волги» // Литературная газета. — 2009. — № 27.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

ОРОПАЙ Аркадий Фёдорович / Arkadiy OROPAY

| Пушкин и Лимонов: «странные сближения» в профетизме |

в теоретическом. Лимонов подчеркивает, что литературному профетизму приличествует писательский «почтенный возраст», когда идеи в содержательном плане окончательно созрели и устоялись, и все дело заключается в адекватном их оформлении, в придании этим идеям вида, доступного для восприятия широкой публикой. Собственно художественный элемент при этом неизбежно отходит на задний план. Однако значимость художественного элемента в деле творческой *выработки* профетических идей представляет особый познавательный интерес.

Интересную мысль, касающуюся литературного творчества, высказывает философ и историк И. Берлин (1909–1998) в известном эссе «Еж и лисица». В эссе сравнивается содержание «Войны и мира» Л. Н. Толстого с так называемыми «научными» концепциями наполеоновских войн против России. Эти исторические концепции описывают только последовательность событий, тогда как Толстой в своем повествовании стремился расставить исторические факты таким образом, чтобы они обрели смысл. Свое название эссе получило от строки одного малоизвестного античного поэта, который, отталкиваясь то ли от древнего мифологического источника, то ли от элементарного этологического наблюдения, высказался в том смысле, что лисица знает много чего, еж же знает одно, но важное⁴. При помощи этого риторического тропа автор подразделяет не только писательский и интеллектуальный мир, но и весь человеческий род на своеобразных монистов («ежей») и плюралистов («лисиц»). Мысли и поступки первых подчиняются некоторой центральной идее, тогда как вторые в мыслях и поступках отличаются центробежностью, их увлекает периферия деталей. Если Пушкин, согласно классификации Берлина, выступает как «архилисица», то Лимонов, без сомнения, ближе к «ежам». Его центральную идею, думается, можно выразить, используя лексику Лоханкина из «Золотого телёнка», следующим образом: «Эдуард Лимонов и его роль в новейшей истории». Но это не означает, что в деятельности Пушкина и Лимонова, взятой в аспекте профетизма, нельзя усмотреть определенных совпадений. Скорее наоборот, пушкинский статус «архи» («наше всё»!) предопределяет неизбежность сближений. Об этом, собственно, и пойдёт речь в статье.

Лимонов, считающий роман устаревшим и несвоевременным жанром изыскивает для своих пророчеств адекватные публицистические формы. Профетизм Пушкина носит иной характер. Здесь традиционные литературные формы вовсе не выглядят архаическими. Пушкинский роман «Капитанская дочка» (1836) по праву считается пророческим.

Русский философ Н. А. Бердяев отмечал интерес Пушкина к теме грядущей русской революции, его предчувствия возможности и черт последней⁵. Бердяев же выделял в качестве одной из особенностей культурной жизни русского народа слабость формы в пространстве этой жизни. Здесь пространство полагается не столько как *поле деятельности*, сколько как *укрытие* — физическое или нравственное. Этот мотив отчетливо прослеживается в романе Пушкина, основное действие которо-

го разворачивается вдали от центра, где-то «на границе киргизкайсацких степей».

Пётр Гринёв, оберегая, как завещал ему отец, «честь смолоду», несёт службу на периферии. Гринёв-отец — своеобразный моральный оппозиционер, год его выхода в отставку — 1762-й (год свержения Петра III) — был в окончательном тексте заменён на неопределённый 17... только из-за несоответствия возрасту Гринёва-сына (в противном случае, во время пугачёвщины тому было бы не более десяти лет от роду). Однако периферия — не только убежище от нравственных соблазнов Петербурга, где учат преимущественно «мотать да повесничать», но и прибежище всякого рода социальных и этнических маргиналов («разбойников и дикарей»), скрытых противников центра, служение которому — дело чести для Гринёва и ему подобных идеалистов. До поры, до времени сохраняется определенное равновесие организующего (служение) и дезорганизующего (бунт) начал. Но оно неустойчиво. Пугачёв-самозванец, действуя как бы по логике Гринёва-отца (не случайно, в пророческом сне, привидевшемся Гринёву-сыну, самозванец выступает в роли его «посажённого отца»), обращается со своими призывами именно к пограничной периферии, как к ревнительнице подлинной верности, порождая, таким образом, нравственный разброд и активизируя анархическое своеволие маргинальных общностей.

Развязка сюжета «Капитанской дочки» чрезмерно, нарочито счастливая. Если исходить ее буквального смысла, то властный центр «на самом-то деле» — средоточие всех добродетелей. Центр в лице императрицы Екатерины (которую Пушкин в другом своём произведении аттестовал «Тартюфом в юбке и короне») — легко доступен, защищает сироту, карает злодея, восстанавливает попорченную справедливость и т. п. Таким образом, логика мотивации поступков отца, оберегающего сына от контактов с центром, и самого сына, оберегающего от таких контактов любимую девушку, оказывается ... ложной.

Пушкинский прием можно интерпретировать как профетический призыв к гармонии духовной и физической составляющих в деле освоения российских пространств. При этом властному центру предлагается реально соединить в себе физическую и нравственную силу, с тем, чтобы неизбежные в таком деле контакты центра и периферии не порождали бы коллизий, чреватых «русским бунтом — бессмысленным и беспощадным». Своеобразное подтверждение профетической силы пушкинского произведения содержится в мемуарах французского посла Мориса Палеолога, свидетеля нарастания и разрешения революционного кризиса в России: «Русская революция... может быть только разрушительной и опустошительной, потому что первое усилие всякой революции направлено на то, чтобы освободить народные инстинкты; инстинкты русского народа по существу анархичны... Никогда я не понимал так хорошо пожелания Пушкина, которое внушила ему авантюра Пугачёва: «Да избавит нас Бог от того, чтобы мы снова увидели русскую революцию, дикую и бессмысленную»⁶.

Пугачеву в XVIII веке удалось «сблизить» центр и периферию при посредстве умелой эксплуатации самозванческой мифоло-

⁴ Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. — М.: Канон+, 2002. — С. 513.

⁵ Бердяев Н. А. Мутные лики. «Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого // Философские науки. — 1990. — № 7. — С. 64–69.

⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: Международные отношения, 1991. — С. 325.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

ОРОПАЙ Аркадий Фёдорович / Arkadiy OROPAY

| Пушкин и Лимонов: «странные сближения» в профетизме |

гии: *мнимый* царь объявился на *действительной* периферии (сам он был одним из сорока самозванцев, принявших имя Петра III). Однако гораздо более сильное такое «сближение» состоялось в XX веке, который символически начался с изобретения радио и авиации. Воздействие новых средств сообщения и массовой информации на взаимосвязи центра и периферии в российском пространстве на порядки более мощное, чем пресловутые пугачевские «царские знаки» на теле. Возникают новые проблемы в соотношении реального властного центра и его идеального образа. В течение всего этого столетия в России отработывались технологии контроля за перемещением населения и идеологической эксплуатации средств массовой информации.

В самом диалоге (открытом или немом), который у Пушкина ведут Гринёв с Пугачёвым, содержится надежда на возможность гармонии духовного и физического. Пугачевские смелость, удал, предприимчивость, готовность к риску суть черты характера, столь же необходимые в деле освоения бескрайних российских просторов, как и идеализм Гринёва: в другом произведении и в применении к иным историческим обстоятельствам (отечественная война 1812 г.) Пугачёв аттестуется Пушкиным возможным «урядником лихим» в «передовом отряде». В своем романе Пушкин отклонил официальное обозначение Пугачёва как метафизического «злодея» («гений» и «злодейство» в данном случае оказались совместны). У Пушкина с образом Пугачёва связаны земные измерения пространства, духовное измерение связано с образом Гринёва. Проекция этого «третьего» измерения и представляет собой точку властного центра, с которой, во избежание искушений, лучше не соприкасаться. Сама обширность земного пространства служит неким посредником, «изолятором», очистительным фильтром, позволяющим сохранить в незыблемости пространство духовного космоса.

Роман «Капитанская дочка» был задуман в 1832 г., а наиболее интенсивная работа приходится на 1835–1836 гг. На период между этими сроками приходится работа Пушкина над «Сказкой о золотом петушке», написанной по мотивам «Легенды об арабском астрологе» американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859).

Написание сказки вряд ли объясняется случайным обстоятельством — обретением нового литературного материала. При всех идейных, жанровых и стилистических различиях исторического романа и сказки, можно отметить определенную связь. Очевидный общий мотив — проблема охраны государственных границ. В этом деле сохранения пространств державы имеет место переплетение реального и символического. Сказка, как «ложь», тяготеет к символическому, действие же исторического романа, основанного на архивных материалах «Истории Пугачёва» (1833), разворачивается в реальном пространстве. Однако речь может идти только о различной степени соотношения того и другого, не случайно, во «лжи» содержится «намёк».

Как было установлено пушкиноведами, Пушкин в первоначальном варианте «Капитанской дочки» намеревался, хотя и в смягченном виде, использовать один из стандартных сюжетных приёмов Вальтера Скотта⁷. Гринёв, подобно рыцарю Айвенго

из одноименного романа или кузнецу Смигу из «Пертской красавицы», должен был пройти испытание чувств, оказавшись между двумя красавицами — блондинкой и брюнеткой. Упоминание о «брюнетке» — Лизавете Харловой, историческом лице из «Истории Пугачёва», наложнице и несчастной жертве самозванца — осталось в окончательном тексте лишь в письме «блондинки» — Маши Мироновой, адресованном Гринёву. Нет сомнений, идеальный герой успешно превозмог бы и это искушение: ведь он прошел искушения властью, свободой и даже жизнью. Что же касается сказочного царя Дадона, то его «искушение брюнеткой» — шамаханской царицей — закончилось трагически. И это искушение носит принципиальный характер, затрагивает не только сферу чувств отдельного индивида, но судьбу целого народа.

Хотя последние сигналы тревоги петушка пространственно ориентированы на восток, это не означает, что Пушкин предупреждал о некоей «восточной угрозе». Здесь, думается, работает принцип контраста с «Легендой» Ирвинга. *Сухопутное* государство у Ирвинга — *морское* у Пушкина; *женолюбивый* арабский астролог (по выражению А. А. Ахматовой) — «звездочёт и *скопец*»; *западная* («вестготская») девица — *восточная* и т. п. Последняя выступает символом неведомой угрозы, не маркируемой, не имеющей локализации в реальном пространстве (притом, что сама она персонально в условно реальном сказочном пространстве место занимала, иначе бы петушок не поднял бы тревоги), и для преодоления которой необходима мобилизация духовных ресурсов.

Финал легенды Ирвинга — по сути нулевой: положение «до» идентично положению «после». Сказка же Пушкина заканчивается убийством царя, что в совокупности с гибелью наследников и двух ратей явно сулит царству многочисленные бедствия — распри, интервенции и т. п., неоднократно имевшие место в реальной истории России. Покуда пределы империи прикрывают и расширяют гринёвы, мироновы и им подобные честные служаки, бедствия преодолимы. Но в «Сказке» сказывается поучительная история высочайшей особы, царствующей «лежа на боку» «неуспевающих» воевод и «безмолвствующего» на протяжении всего повествования народа. Духовных сил для преодоления грядущих бедствий не остается.

В «Капитанской дочке», несмотря на тревожные предупреждения, выражается надежда на гармонизацию реального и символического пространства. В «Сказке» же содержится «намёк» на тщетность упования на чисто технические способы (даже если эта техника — магическая) ориентации в реальном пространстве в условиях деградации символической сферы.

Возможности художественного образа позволяют воссоздавать действительность в целостности, блокировать тенденции к одностороннему рациональному конструированию действительности. Целостный образ бытия человека в пространстве предполагает, помимо прочего, гармоническое сочетание оформленного и неоформленного, ограниченного и безмерного, материального и духовного в таком бытии. Интуитивное постижение деформаций в такой гармонии, видимо, лежит в основе профетической силы рассмотренных пушкинских произведений.

Темы, затронутые Пушкиным в «Капитанской дочке» (граница и бунт; граница и служение; граница и безопасность

⁷ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. — СПб.: Академический проект, 1996. — С. 242.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

ОРОПАЙ Аркадий Фёдорович / Arkadiy OROPAY

| Пушкин и Лимонов: «странные сближения» в профетизме |

государства; непрозрачность пространства, ограниченного внешней границей и актуальность «внутренних» границ) обнаруживаются и в послепушкинскую эпоху, в произведениях, в той или иной степени отмеченных профетическими предчувствиями. Литературовед И. Волгин отмечает особую значимость кавказской темы в истории русской: «Начиная с южных поэм Пушкина и повестей Бестужева события, совершающиеся на границах русского этноса, получили художественную расшифровку в категориях романтического сознания... «Путешествие в Арзрум», «Герой нашего времени» и особенно толстовские «Казачьи», «Рубка леса», «Набег» в значительной мере деромантизировали восприятие новообретенного Юга и сделали его зоной художественного эксперимента. Экстремальные обстоятельства кавказских войн стали для русской литературы неким художественным полем, где разрешались вынесенные за границы традиционного русского быта психологические коллизии»⁸. Думается, указанные выходы на новые художественные поля (имеется в виду не только кавказская тема) не ограничиваются сугубо бытовыми и психологическими вопросами, но позволяют поднимать проблемы пространства и времени бытия российской цивилизации, перспективные в профетическом отношении. Своеобразное преломление этих достаточно традиционных для русской литературы проблем обнаруживается и у Э. Лимонова.

По своим литературным пристрастиям Лимонов тяготеет к формам публицистики и «нон-фикшн», предполагающим минимум художественного вымысла. Лимонов — политический писатель и деятель, его литературная работа неотделима от соответствующих политических акций, что в наше время постмодернистского смешения — художественных стилей, реального и символического и т. п. — считается нормой. Как явствует из заголовка статьи, нас интересуют не очевидные расхождения, а скрытые «сближения» Пушкина и Лимонова. По нашему мнению, как тот, так и другой особенным образом отразили в своей деятельности специфику пространственной организации российской культуры. И для того, и для другого актуально акцентирование значимости *границы* в деле постижения этой организации. В свою очередь, указанное постижение *пространственной* организации имеет значение для постижения *временных* новаций в профетизме.

Литературный критик В. Г. Бондаренко по поводу оппозиционности (не столько политической, сколько культурологической) Лимонова властному центру отмечает, что «беспощадная жизненность Эдуарда Лимонова связана с русской провинци-

⁸ Волгин И. Лев Толстой как зеркало... (нужное вписать). — Литературная газета. — № 22–23.

ей, с деревенским прошлым его родителей. Обычно москвичи сдаются гораздо быстрее. Вся динамика жизни, все жизненные соки нации сегодня — из провинции»⁹. Лимонов подчеркивает специфическую *маргинальность* своей политической программы, ориентированной на молодёжь: «Вне пределов и вне досягаемости власти молодёжь существует в каждом городе в своем мире. Те, кто не встраивается в традиционное русское общество власти..., существующее вне его и ли на его границе — *en marge* — по-французски, отсюда совершенно правильное название «маргиналы», однако приобретенное в России пренебрежительный смысл»¹⁰. Внешность «ребят с окраины» — непременная часть облика лимоновских «нацболов».

«Окраинность» в данном случае имеет смысл не только применительно к социальному пространству (в масштабе города или страны в целом), но и применительно к пространству политико-географическому. И здесь, как представляется, «странные сближения» с некоторыми идеями из пушкинской «Капитанской дочки» становятся поразительными. Речь идёт о лимоновском проекте «Вторая Россия»: «Проект представлял собой теоретическое рассуждение о том, что если бы существовала достаточно радикальная политическая партия, то она могла бы заявить о себе, организовав партизанскую борьбу на территории республики Казахстан, то есть на территории со значительным русским населением с целью отторжения северной территории от республики Казахстан; о создании там сепаратистского русского государства — Второй России»¹¹. Естественно, сепаратистское государство, пограничное с «Первой» Россией призвано стать плацдармом для «похода на Москву», аналогичным Яицкому казацкому войску 1773 г. И даже территориально северный Казахстан весьма приближен к месту действия «Капитанской дочки» — месту, где «простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков»¹².

«Диких орд» и многого другого, о чём писал Пушкин, в настоящем времени нет. Однако проблема гармонизации взаимоотношений властного центра и пограничной периферии осталась. Как показала история, освоенный литературно-художественными средствами, но не усвоенный политически, опыт *пространственной* границы (в различных её вариантах) откликнулся для центра приближением границы — уже *временной*.

⁹ Бондаренко В. Г. Трубадуры имперской России. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 310.

¹⁰ Лимонов Э. Моя политическая биография. Документальный роман. — СПб.: Амфора, 2002. — С. 118.

¹¹ Там же. С. 281.

¹² Пушкин А. С. Исторические заметки. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 9.

